

Каптерев Н. Ф. [Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович:]
Критика церковной реформы Никона в литературных произведениях
ее первых противников // Богословский вестник 1909. Т. 3. № 10.
С. 177–212 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Критика церковной реформы Никона въ литературныхъ произведеніяхъ ея первыхъ противниковъ.

(Окончаніе).

Указанія Никона на то, что онъ исправлялъ старыя книги съ древнихъ греческихъ и харатейныхъ славянскихъ, по мнѣнію противниковъ его реформы совершенно невѣрны, такъ какъ ближайшее сличеніе новоисправленныхъ книгъ съ древними греческими харатейными славянскими рѣшительно говоритъ противъ Никона. Этими сличеніями, съ славянскими харатейными списками, особенно усердно занимался дьяконъ Ѳеодоръ, который по этому поводу заявляетъ слѣдующее: „указывалъ и ссылался онъ лъстець (Никонъ) на харатейныя русскія книги и греческія, будто съ тѣхъ справиль и перевелъ символъ новый и прочія вся своя нововводныя догматы. Азъ грѣшный діаконъ, зѣло трудихся о семъ, искалъ и прочиталъ многія древнія харатейныя книги, и гонихъ Никона по слѣду, какъ песъ волка и лиса лукаваго, и вездѣ обрѣтохъ его лукавнующа въ завѣтъ Господни и святыхъ предѣлы преступивша и солгаша: во всѣхъ бо книгахъ древнихъ символъ вѣры по старому стоитъ, и естъ въ старопечатныхъ книгахъ московскихъ, и во иныхъ земляхъ тако и доннынѣ суть. Вездѣ бо символъ исповѣданія стоитъ право, сице: и во единого Господа Ісуса Христа, а не Ісуса; рожденна, а несотворенна; его же царствію нѣсть конца. И тако суть во всѣхъ книгахъ рукописанныхъ, ихъ же видѣвъ, за 400 лѣтъ и за 500 лѣтъ кои писаны. И въ печатныхъ всѣхъ тоже суть слово въ слово,—и въ кievскихъ, и въ сербскихъ, и въ болгарскихъ, и въ острожскихъ, идѣже библіи старыя печатаны. Вся самъ видѣхъ и проч-

тохъ, и Богъ свидѣтель, яко не лгу. Того ради и страдати началъ и кровь свою проливати: дахъ бо два языка на отрѣзаніе царю Алексѣю Михайловичу и руку свою на отсѣченіе за крестное Христово знаменіе въ сложеніи перстовъ и за прочія законы святыхъ отецъ нашихъ, о нихъ же извѣстно испытахъ и изыскахъ прилежно“. Въ частности Ѳедоръ указываетъ, что Никонъ исправилъ книги несогласно съ древними сербскими и греческими, на которыя онъ ссылался ложно. Ѳедоръ, наримѣръ, говоритъ: „аще бы въ однихъ нашихъ московскихъ книгахъ символъ былъ со *истиннымъ*, а въ иныхъ бы земляхъ въ книгахъ не было нигдѣ: и въ Духа Святаго Господа *истиннаго* и животворящаго; то бы азъ, яко челоувѣкъ, соблазнихъ бы ся не глаголати *истиннаго*. Но самъ видѣлъ прежде насъ вѣровавшихъ христіанъ книги сербскія у священника чернаго Мардарія сербскія земли,—145 лѣтъ какъ печатана, и иные де есть и по пяти сотъ лѣтъ—и въ Духа святаго Господа *истиннаго*. И митрополить сербскій же Ѳеодосей сказывалъ игумену Сергію пресвятыя Богородицы Толгскаго монастыря, что есть де у насъ за пять сотъ лѣтъ такія книги: и въ Духа святаго Господа *истиннаго*. И острожскія самъ видѣхъ: такожде“. Въ другомъ мѣстѣ Ѳедоръ свидѣтельствуеетъ: „бысть на Москвѣ митрополить сербскій Ѳеодосій, во 173 году, и у него азъ, діаконъ Ѳедоръ, видѣлъ ихъ псалтырь со возслѣдованіемъ печатную, полудестовую, 140 лѣтъ ей бысть по то время, какъ печатана, и въ ней вся та видѣхъ о символѣ, и о прочихъ нужныхъ спорныхъ статьяхъ, и вельми возрадовахся о Господѣ истинномъ Дусѣ, и пострадахъ за него, небеснаго царя“. О несогласіи новоправленныхъ греческихъ книгъ съ древними правыми греческими книгами Ѳедоръ говоритъ: „здѣ же въ краткости словесъ возвѣщу тебѣ, государю, несогласіе пестроты ихъ и противленіе непорочнымъ книгамъ сторопреведенныхъ съ *греческихъ непорочныхъ еще*, а не съ нынѣшнихъ, кои межъ собою разликують, иже мощно сіе всякому знать. Въ первыхъ выходахъ не положено стиха сего, еже есть *Благословенъ грядый во имя Господне, Богъ Господь и явился намъ*, егда речеть іерей: *со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите*. Да и написали сами: нѣтъ-де того стиха въ греческомъ, съ коего перевели. А въ древле переведенныхъ, государь, тотъ

стихъ есть во всѣхъ служебникахъ, и въ греческомъ томъ былъ тогда, съ котораго старыя переведены, и въ Киприановскамъ переводѣ есть. Да въ новыхъ же выходахъ *опять положили* тотъ стихъ: благословенъ грядый во имя Господне, Богъ Господь; а сослался въ томъ на толкованіе литургіи, собраніе іерея Іоанна Наванайла, что въ Скрыжалѣ новопереводной же,—тамъ де указано пѣть: благословенъ грядый во имя Господне и прочая, и въ словахъ Златоустовыхъ есть де той стихъ, и конечно де оставить нельзя и надобно тому быть. И посему, государь, знатно, яко служебникъ той пороченъ, съ коего вышшныя перевели, съ толкованіемъ греческимъ же несогласенъ... Въ новыхъ часословцахъ затѣвъ Богородицѣ: *Пресвятая Богородице спаси насъ*; а послѣ того въ новыхъ шестодневахъ, съ греческихъ же перевели, и тамъ: *Пресвятая госпоже Богородице спаси насъ*“. Изъ подобныхъ сличеній Ѳеодоръ выводитъ заключеніе, что Никонъ „и на греческія книги ссылался ложно“. По мнѣнію Ѳеодора новоисправленныя книги несогласны съ харатейными русскими. Доказывая, что (достойно и праведно) *есть поклоняться* составляетъ въ новоисправленныхъ книгахъ прилогъ, Ѳеодоръ замѣчаетъ: „азъ же убогій богомольецъ твой, шлюся, государь, яко не есть того прилога въ старыхъ служебникахъ печатныхъ или письменныхъ, въ Златоустовѣ службѣ, на кои и Никонъ ссылался будто, нѣтъ ни въ Алексіевскомъ служебникѣ, святаго митрополита и чудотворца, ни въ Сергіевскомъ святаго чудотворца, ни въ Киприановскомъ, и въ иныхъ отнюдь нѣтъ. Мнится ми, государь, Никонъ патріархъ для прилики на сихъ святыхъ ссылался, хотя свой разумъ составить и церковь тѣмъ разодрати, а приликою старыя непорочныя служебники похуливъ, откинути. Все, государь, сія святыхъ служебники отнюдь съ новыми не согласуютъ много, ни въ чинѣхъ священнодѣйства, ни въ рѣчахъ словесъ много со старыми согласнѣе печатными“. Съ своей стороны и соловецкіе челобитчики находили новоисправленныя книги несогласными съ имѣющимися въ ихъ монастырѣ древними списками богослужебныхъ книгъ. „Молитвы архіерейскія, заявляютъ они, выкинули все: а у насъ, государь, въ твоемъ царскомъ богомольѣ, въ Соловецкой обители, въ харатейныхъ служебникахъ, кои писаны лѣтъ по пяти и по шести сотъ и болши, а молитвы архіерейскія во

всѣхъ есть, и съ Никоновыми служебниками ни въ чемъ не сходятся, а съ нашими печатными во всемъ согласны: якоже, государь, и бумажные старинные служебники, кои написаны лѣтъ по триста и болши, по которымъ служили при Зосимѣ чудотворцѣ и при Филиппѣ митрополитѣ, и тѣ всѣ съ Никоновыми несходны же ниблизко... Да въ тѣхъ же, государь, новыхъ никоновыхъ служебникахъ, въ предисловіи, листъ 20, напечатано про чудотворца и начальника нашего Филиппа, митрополита московскаго и всея Россіи, аки истинная правда будто онъ служилъ по такимъ служебникамъ, каковы нынѣ, при Никонѣ патріархѣ, вышли: и то намъ всѣмъ явно, что на него написано напрасно, понеже онъ, отецъ нашъ, пришелъ въ Соловецкую обитель великихъ чудотворцевъ Засимы и Савватія отъ младыхъ ноготь, и жилъ до игуменства и во игуменахъ многа лѣта, даже до возведенія на архіерейскій престолъ московскаго царства, и книги его нынѣ всѣ и служебники у насъ, въ Соловецкомъ монастырѣ, въ книгохранительной казнѣ, кои были до него, и при немъ, и послѣ его есть, ни единъ съ тѣми Никоновыми служебниками не согласуетъ“. Пнокъ Авраамій, въ челобитной къ государю, дѣлаетъ такое замѣчаніе: „да они же, Никоновы ученицы, напечатали въ ермолае къ трисвятому съ прибавкомъ, сице: сила, святыи Боже, святыи крѣпкій, святыи безсмертныи помилуй насъ. И то, государь, приложили они отнюдь не дѣломъ же, на великій развратъ соборнѣи и апостольстѣи церкви и на гибель душамъ христіанскимъ, не противъ греческихъ и русскихъ харатейныхъ книгъ. Понеже, государь, и въ греческихъ книгахъ то трисвятое съ нашими русскими книгами ни въ чемъ ни разнится же, и написано по ихъ греческому языку безъ прибавки сице: агіосъ о Θεосъ, агіосъ исхиросъ, агіосъ афанатосъ елей сономасъ (?), а нашимъ языкомъ: святыи Боже, святыи крѣпкій, святыи безсмертныи, помилуй насъ. А *силы* въ томъ греческомъ трисвятомъ не написано. Затѣвають все собою, и указываютъ на греческія книги ложно“ ¹⁾.

Несогласіе исправленныхъ Никономъ книгъ съ древними

¹⁾ Матер. VI, 18, 23—25, 32—33, 144—147 и др. III, 263, 272 и др. VII. 351.

правыми греческими книгами объясняется по мнѣнію противниковъ церковной реформы тѣмъ, что Никонъ исправлялъ книги если и съ греческихъ, то съ новыхъ, испорченныхъ еретиками. Дьяконъ Ѳедоръ говоритъ: „прокаженные книги латиногреческія печатныя Никонъ посылалъ покупать тамо, и купилъ ихъ на многія тысячи сребра. И съ тѣхъ новогреческихъ печатныхъ книгъ печаталъ онъ на Москвѣ новыя нынѣшнія книги: потому они и несогласны со старыми нашими. Арсеній грекъ, врагъ Божій, научилъ его, Никона, покупать тѣ книги греческія, онъ переводилъ ихъ на нашъ языкъ словенскій, и тѣмъ они развратъ велий сотворили во всей русской землѣ по всѣмъ церквамъ, и тѣмъ Христа Бога нашего прогнѣвали, и на весь міръ много пагубы навели противными книгами и догматы нововводными“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Никонъ „книги старопечатныя всѣ охулилъ, врагъ, напрасно, и въ тѣхъ вмѣсто римскія развращенныя перепечаталъ по русски, и въ церковь внесе ихъ со многими ересьюми“. Соловецкіе челобитчики заявляютъ: „тѣми греческими книгами они православную нашу вѣру истребили до толика, будто и слѣдъ православія въ твоёмъ государствѣ, российскомъ царствіи, до сего времени не именовался, и учатъ насъ нынѣ новой вѣрѣ... Тѣ ихъ греческія книги нынѣ стали всѣмъ явны, что они исправлены и отъ еретиковъ испорчены: понеже, государь, въ нашихъ русскихъ печатныхъ книгахъ до сего времени, покамѣста съ греческихъ книгъ не печатали, некоторые послы и зазоры не было, а какъ почали печатать изъ греческихъ переводовъ, и въ тѣхъ новыхъ русскихъ печатныхъ книгахъ объявилось много худыхъ и богохульныхъ и непотребныхъ рѣчей, ихъ же вкратцѣ вмалѣ тебѣ, великому государю, въ сей челобитной выше сего изъявихомъ“. Инокъ Авраамій пишетъ: „наша российская земля воистину свѣтло во благочестіи сіяла до Никона патріарха. и съ истинныхъ греческихъ книгъ древнихъ переведены наши православныя книги, а не съ нынѣшнихъ латинскихъ. иже нынѣ греки держатъ, имъ же справливаеть папа римскій, и въ Римѣ печатають и въ прочихъ римскихъ градѣхъ, и къ нимъ, грекамъ, идутъ, а онѣ ихъ держатъ по нуждѣ, что правыхъ книгъ взять негдѣ имъ“. И въ другомъ мѣстѣ Авраамій говоритъ: „а что нынѣ греческія книги

словуть и къ намъ приходятъ печатныя, и здѣ съ нихъ переводятъ книги, и тѣмъ вѣровать отнюдь не подобаетъ. По-неже печатають ихъ еретики въ трехъ градѣхъ — въ Римѣ, Парыжѣ, и въ Веницен, греческимъ языкомъ печатають, но не по древнему благочестію. А у грековъ печати своей нѣтъ. всѣ у нихъ книги себѣ покупають печатныя“ . 1).

По мнѣнію противниковъ церковной реформы если Никонъ и исправлялъ книги съ славянскихъ, то, или съ польскихъ, или же и съ русскихъ, но „съ покидныхъ“ и „хромыхъ“ книгъ. Священникъ Никита въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ: „то, государь, напечатано съ польскихъ служебниковъ и русскихъ покидныхъ, а не отъ преданія богоносныхъ отецъ“. Въ другой разъ, указывая на неправоту новоисправленныхъ книгъ, Никита говоритъ: „и то все онъ, Никонъ, учинилъ своимъ развратнымъ вымысломъ, собираючи съ разныхъ хромыхъ и съ покидныхъ служебниковъ и съ иноземскихъ, а не съ преданныхъ догматъ и не съ правыхъ служебниковъ, на расколъ христоименитой вѣрѣ напечатано, по наученію вѣдомаго христіанскаго врага, жидовскаго обрѣзанца, Арсенія чернца, чтобъ ему Никону въ литургіи Божиі спона и порокъ учинить“. Говоря про чинъ освященія церкви, Никита замѣчаетъ: „и то онъ освященіе церкви претворилъ съ лядскихъ требниковъ Петра пана Могилы и съ прочихъ латынскихъ переводовъ“. Дѣлалъ это Никонъ, по мнѣнію Никиты, въ такихъ цѣляхъ: „то явно есть по всему, говорить онъ, что онъ Никонъ, бывшій патріархъ, нарочно съ хромыхъ книгъ плевелныя слова снискивалъ и въ христоименитую вѣру всѣвалъ, чтобъ ему како ю смутить и всяко съ латиною соединить“. Инокъ Сергій говоритъ: „да что Никонъ патріархъ оставилъ въ херувимскую пѣснь, въ переносъ великаго входа, діакономъ и священникомъ и святителемъ говорить титло великому государю: и то онъ взялъ съ польскихъ служебниковъ и хромыхъ, тамо бо и пановой своихъ поимянно величаютъ“. Откуда Никонъ могъ взять покидныхъ и хромыхъ книгъ, это въ одномъ мѣстѣ, объясняетъ дьяконъ Ѳеодоръ. Онъ говоритъ, что кромѣ подлиннаго часовника митрополита Кипріяна существовалъ еще подметный, „и тотъ подметный часовникъ, со иными рас-

1) Матер. III, 245, 259. VI, 158, 199. VII, 26, 396.

тлѣнными книгами отъ преписующихъ неискусныхъ, положенъ бысть въ пустой палатѣ подъ крыльцомъ у Благовѣщеня въ сѣняхъ, истлѣнія ради, по правиломъ, повелѣніемъ святѣйшаго патріарха Филарета. И егда Никонъ, сокровенный волкъ, вскочилъ на патріаршество, тогда онъ тѣ сокровенныя книги вынялъ, и въ церковь внесе, и аллилуія почалъ четверити, оттого времени и прочая расколы творити въ церкви. Есть убо святаго Кипріяна митрополита остался служебникъ его руки, писанный, и всѣмъ вѣдомо, яко потому онъ самъ служилъ, и тотъ его кипріяновъ служебникъ непороченъ, и со старыми службами сходенъ съ московскими, а новымъ всѣмъ противенъ. И тому святому Кипріяну не послѣдова Никонъ отступникъ, и прельщенный отъ него власти не восхотѣли того держатися: и то явное блужденіе ихъ и противленіе богоугоднымъ пастыремъ, древнимъ отцемъ нашимъ“. Инокъ Авраамій пишетъ царю: „онъ (Никонъ), государь, символъ писалъ съ коихъ несвидѣтельствованныхъ книгъ и пометныхъ письменныхъ,—тутъ такъ, написано, а индѣ инако“. ¹⁾

Исправленныя Никономъ, указаннымъ образомъ, церковныя книги естественно, по мнѣнію противниковъ исправленія, должны были заключать въ себѣ различныя неправыя мнѣнія. И дѣйствительно, по ихъ изысканіямъ, оказалось, что всѣ тѣ ереси, какія только существовали въ христіанской церкви съ самаго ея начала, всѣ онѣ будто бы нашли себѣ самый радушный пріютъ въ новоисправленныхъ никоновскихъ книгахъ. Цѣлыя сочиненія написаны были съ прямою цѣлію показать: въ какихъ никоновскихъ книгахъ, гдѣ именно и какія ереси заключались, причемъ доказывалось, что „все новое никоніанское мудрованіе и уложеніе ложно есть и лукаво, и отеческому писанію противно и богоборно и богомерзко есть по всему“; что какъ самъ „Никонъ мерзокъ Богу и святымъ его, таковы мерзки книги и догматы его“.

Съ принятіемъ новоисправленныхъ никоновскихъ книгъ погибло на Руси православіе и нѣтъ на Руси болѣе истинной церкви Христовой. „О прелесте! восклицаетъ дьяконъ Ѳеодоръ, понеже еси пестра: зримъ церкви стояща, церков-

¹⁾ Матер. IV, 107, 109—110, 135, 147, 302, 305. VI, 149—150. VII, 316.

ныя же развращенія всюду стояща. О прелесте! понеже еси пестра: церковныя стѣны созидаются, законы же ея раззоряются и злохульно укоряются. О прелесте! понеже еси пестра: иконное поклоненіе почитается, образы же святые яко непотребны отметаются. О прелесте! понеже еси пестра: причастіе, тѣло и кровь Христову, исповѣдуютъ, тайнодѣйства же ея еретичествомъ оглаголуютъ. О прелесте! понежи еси пестра: правовѣріемъ нарицается, благоверные же побиваются. О прелесте! понеже еси пестра: еретики проклинаются, благовѣрные же яко враги осуждаются. О прелесте! понеже еси пестра: праздники святые празднуютъ, начальниковъ же праздниковъ раскольниками называютъ. О прелесте! понеже еси пестра: мученикамъ Христовымъ память творять, вѣру же ихъ прелестію нарицаютъ. О прелесте! понеже еси пестра: евангеліе почитается, благовѣстіе же тьмою нарицается. О прелесте! понеже еси пестра: идольскаго поклоненія гнушаются, развращенные же образы яко святые почитаются“ и т. далѣе. Тотъ же дьяконъ Ѳеодоръ пишетъ: „мы же ихъ (принявшихъ новоисправленныя книги) называли прежде сего не раскольниками точію, но совершенными еретиками, и предтечами антихристовыми, зря по дѣломъ ихъ; и нынѣ паче нарицаемъ ихъ въ правду тако... Да не сообщаются со отступниками, и да не ходятъ къ заутренямъ ихъ и ко всякимъ службамъ, развращенно поемымъ, и да не молятся съ ними, запрещенія ради святыхъ правилъ“. Аввакумъ писалъ: „а што много говорить! плюнуть на дѣйство-то и службу-ту ихъ, да и на книги-тѣ ихъ новоизданныя,—такъ и ладно будетъ. ...Не подобаетъ съ вами поганцами (т. е. православными), намъ вѣрнымъ и говорить много. Кое общеніе свѣту ко тмѣ, и кая часть вѣрному съ невѣрнымъ, кое общеніе Христу съ веліаромъ и церкви Божіи со идола“¹⁾.

Вслѣдствіе гибели на Руси правой вѣры и истиннаго благочестія, благодаря книжнымъ никоновскимъ исправленіямъ, должно погибнуть и само московское царство, существованіе котораго тѣсно связано съ процвѣтаніемъ въ немъ истиннаго, ни чѣмъ неповрежденнаго православія. „Единъ бысть, говоритъ Аввакумъ, православный царь на земли остался, да и того, невнимающаго себѣ, западніи еретицы, яко об-

¹⁾ Матер. VI, 86—89, 165, 203, 239, 273. V. 54, 129, 187.

лаца темніи, угасили, христіанское солнце, и свели въ тьму многія прелести и погрузили, да не возникнетъ на истинный свой первый свѣтъ правды“. Во всей вселенной, поэтому, начинается теперь наступать царство антихриста, такъ какъ Москва есть третій Римъ, а четвертому не быть: погибнетъ православіе на Москвѣ, значитъ погибнетъ оно уже въ цѣломъ мірѣ. Аввакумъ говоритъ: „мерзость заустѣнія, не-преподобно священство, и прелесть антихристова на святомъ мѣстѣ поставится, сирѣчь на алтари неправославная служба, еже видимъ нынѣ сбывшееся. Иного же отступленія нигдѣ не будетъ: вездѣ бо бысть; послѣдняя Русь здѣ.. И се, возлюбленніи, не явно-ли антихристова прелесть показуетъ свою личину?“ Дьяконъ Ѳеодоръ говоритъ: „видимъ самое уже послѣднее время и конецъ вѣка скоро, скоро приближается. Слышите паки, паки, правовѣрніи братіи, яко второе Христово пришествіе близъ есть. Уже вся отступленія совершишася, по писанію, во всѣхъ царствахъ“¹⁾.

Вотъ къ какимъ безнадежнымъ выводамъ и заключеніямъ пришли въ концѣ противники Никона, послѣ подробной критической оцѣнки его церковной реформы: православіе окончательно погибаетъ на Руси, въ ней начинается водворяться царство антихриста, наступаетъ конецъ міра. Но эти выводы и заключенія построены ими на очень непрочныхъ и сомнительныхъ данныхъ, и потому сами по себѣ оказываются очень некрѣпкими и колеблющимися, даже въ ихъ собственныхъ произведеніяхъ.

На кардинальный вопросъ: когда именно и благодаря какимъ обстоятельствамъ греки потеряли истинное благочестіе и правую вѣру?—противники церковной реформы Никона отвѣчаютъ очень неодинаково, несгласно одинъ съ другимъ и даже одно и то же лицо отвѣчало на этотъ вопросъ въ одномъ мѣстѣ—такъ, а въ другомъ иначе.

Протопопъ Аввакумъ, на соборѣ 1667 года, говорилъ греческимъ патріархамъ: „у васъ православіе пестро стало отъ насилія турскаго Махмета“, а въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что „Константина царя предалъ Богъ за отступленіе Малмету турскому царю, и все царство греческое съ нимъ“, и что это отступленіе грековъ отъ православія совершилось

¹⁾ Матер. V, 227—228, 264. VI, 39, 181.

еще до взятія Царьграда турками на Флорентійскомъ соборѣ, когда „приписаша царь и власти гречестіи къ сему лукавому собору руки своя. Сія уставы и въ Царьградъ пришли: *оттолѣ и греки развратилися*, и клобуки такіе же вѣдѣли на себя, и иные догматы Флоренскаго собора учиниша въ церквахъ своихъ“, такъ что уже до насилія турокъ перестали быть православными. Дьяконъ Ѳеодоръ говоритъ, что у грековъ благочестіе изсякло отъ агарянскаго насилія: „и никто же да дивится о семъ, яко изсяче у грекъ благочестіе отъ насилія невѣрныхъ“. Впрочемъ еще во время Максима Грека, по мнѣнію Ѳеодора, у грековъ существовало и правое перстосложеніе и сугубая аллилуія и что они все это измѣнили очень недавно, „смущаеми отъ римскихъ наукъ“. Священникъ Никита говоритъ: „а вселенскіе патріархи отъ великаго гоненія бесерменска не то едино, но и прочее обычное христіанское благочестіе все истеряли и нынѣ намъ отъ нихъ уже нечево искать“, и такимъ образомъ признаетъ, что благочестіе потеряно греками уже послѣ паденія Константинополя, вслѣдствіе притѣсненія турокъ. По мнѣнію же Лазаря греки потеряли благочестіе и правую вѣру еще до господства надъ ними турокъ, которое явилось какъ наказаніе за ихъ отпаденіе. Лазарь точно указываетъ, что отпаденіе грековъ отъ православія совершилось именно „въ лѣто 6847-го“, и что „отъ того времени приняли греки три папешскія законы: первое—обливатися во святомъ крещеніи, второе—знаменатися тремя персты, третіе—крестовъ на себѣ не носити. Послѣди же и царскую Божию погубиша власть. *Того ради и погаными турками обладали*“. Инокъ Авраамій говоритъ, что когда былъ въ Цареградѣ, незадолго до его паденія, преп. Евфросинъ, „у грековъ тогда все еще православно было, и по ихъ, враговъ, свидѣтельству и аллилуіи четвероличныя у нихъ не было“. Благочестивая вѣра у грековъ, по словамъ Авраамія, сіяла еще и въ позднѣйшее время. „Егда въ Греціи благочестивая вѣра сіяше, говоритъ онъ, тогда и огонь отъ Бога на животворящей гробъ низпосылашеся, и свидѣтели тому не единъ Максимъ Грекъ премудрый и преподобный, но и російстии послове, посылаеми отъ самодержавныхъ великихъ князей и царей, прежде бывшихъ, и знаменитіи людіе, и Трифонъ Коробейниковъ и Ѳеодоръ; а оттолѣ и доннѣ таковая благодать отъ грековъ отъята

бысть за нечестіе грековъ“. Значить, еще во время посѣщенія святыхъ мѣстъ Коробейниковыхъ т. е. во второй половинѣ XVI вѣка, когда турки обладали греками уже цѣлые сто лѣтъ, „въ Греціи благочестивая вѣра сіяше“. Православны были и позднѣйшіе восточные патріархи: Іеремія константинопольскій и Теофанъ іерусалимскій. Авраамій говоритъ: Іеремій патріархъ былъ при царѣ Θεодорѣ, въ лѣто 7097 году, а о крестѣ не зазиралъ. При царѣ Михаилѣ былъ патріархъ Теофанъ, въ лѣто 7127-го году, а о крестѣ также не зазиралъ. И сами они также употребляли (т. е. крестились двоеперстно)“. Но рядомъ съ этими заявленіями, что православіе у грековъ еще долго сохранялось и послѣ завоеванія ихъ турками, у того же самаго Авраамія встрѣчаются и другія мнѣнія, опровергающія первыя. Такъ онъ говоритъ: „отъ константинопольской церкви святыня отъята бысть еще предъ взятіемъ Царяграда отъ турокъ за нечестіе грековъ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „отъ римлянъ приняты греки рясы и рогатыя клобуки, въ лѣто 6946 году, на осмомъ проклятомъ Флоренскомъ соборѣ отъ римскаго папы Евгенія: а изначала не бысть тако. Тогда же и аллилуйю учили возчетверяти“. „А греки уже много блудятъ въ вѣрѣ, еще говоритъ онъ; понеже убо нѣкогда, стѣснени отъ турецкаго царя о вѣрѣ, хотяши бо къ своей ихъ вѣрѣ привести, греки же, нужду видѣвши, прибѣгоша къ римскому папѣ Аѳесу, еретику сушу; папа же далъ имъ три заповѣди: первое—въ крещеніи обливатися, второе—тремя персты креститься, третіе—крестовъ на себѣ не носити. Они же сицева приѣмше нужды ради отъ турецкаго царя“. Это отпаденіе грековъ отъ православія случилось еще до прибытія Максима Грека на Русь, значить, произошло въ концѣ XV или въ самомъ началѣ XVI вѣка. Авраамій говоритъ: „преподобный (Максимъ Грекъ) съ клятвою писалъ митрополиту нашему и всему собору, чтобы суды, къ Москвѣ, отъ греческаго патріарха ни попа, ни дьякона не пріимали въ приобщеніе. И сіе писалъ преподобный Максимъ, русскую землю оберегая, вѣдая подлинно, что у нихъ, въ грекахъ, по извѣщенію святаго Селивестра папы римскаго, *вѣра христіанская погибла безъ остатку*“. Но въ такомъ случаѣ, константинопольскій патріархъ Іеремія, учредившій у насъ патріаршество и поставившій нашего перваго патріарха Іова, и іерусалимскій

патріархъ Теофанъ, поставившій у насъ въ патріархи Филарета Никитича, никакъ не могли быть признаны православными лицами, такъ какъ въ то время у всѣхъ грековъ самая „вѣра христіанская погибла безъ остатку“¹⁾).

Такимъ образомъ на очень важный привіципальный вопросъ о времени и обстоятельствахъ отпаденія грековъ отъ православія, у противниковъ церковной реформы получался совсѣмъ путанный и даже противорѣчивый отвѣтъ: греки отступили отъ православія то—еще до завоеванія Константинополя турками, то—послѣ завоеванія, влѣдствіе насилія турецкаго, то—до пріѣзда къ намъ Максима Грека, то—уже послѣ его пріѣзда въ Москву. По мнѣнію же нѣкоторыхъ отступленіе грековъ отъ православія совершилось въ самое послѣднее время предъ вступленіемъ у насъ на патріаршій престоль Никона, такъ что ранѣе бывшіе въ Москвѣ восточные патріархи: Іеремія константинопольскій и Теофанъ іерусалимскій, были еще строго православны: крестились двоеперстно, двоили, а не троили аллилуію²⁾.

1) Матер. V, 78, 285, 287. VI, 34—35, 157, 158, 277. IV, 173, 250. VII, 23, 87, 97, 99, 306, 307, 397, 415.

2) Понятно, почему противники церковной реформы Никона такъ сильно путались, говорили несогласно другъ съ другомъ по вопросу: когда именно греки отпали отъ православія. Конечно самый простой и естественный для нихъ отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ тотъ, что греки отпали отъ православія со времени флорентійскаго собора, что они, въ большинствѣ случаевъ, дѣйствительно и говорятъ. Но остановиться на этомъ самомъ для нихъ естественномъ рѣшеніи вопроса они однако не могли, въ виду нѣкоторыхъ обстоятельствъ уже русской церковной жизни XVI и начала XVII вѣка. Именно: въ первой половинѣ XVI вѣка на Руси былъ и дѣйствовалъ преподобный Максимъ Грекъ, который не только признавался православнымъ, но и богоугоднымъ мужемъ: на него противники церковной реформы Никона обыкновенно любили указывать и ссылаться какъ на непререкаемый авторитетъ въ вопросахъ вѣры и церкви. А между тѣмъ Максима Грека пришлось бы признать неправославнымъ, если бы греки отступили отъ православія еще со времени флорентійскаго собора, если бы у нихъ, еще до паденія Константинополя, „вѣра христіанская погибла безъ остатку“. Но еще важнѣе, въ этомъ отношеніи, были другія обстоятельства: Константинопольскій патріархъ Іеремія, будучи въ Москвѣ, учредилъ у насъ патріаршество и поставилъ перваго московскаго патріарха Іова. Второй московскій патріархъ, правильно поставленный, былъ грекъ Игнатій, изъ греческихъ пріѣзжихъ архіереевъ. Какъ патріархъ, хотя и недолго, онъ управлялъ всею русскою церковію и его патріаршая власть признавалась всѣмъ, онъ даже собиралъ со-

Такіе же сбивчивые и несогласные между собою отвѣты даютъ противники церковной реформы Никона и на болѣе частные вопросы о времени и обстоятельствахъ появленія у грековъ того или другаго отдѣльнаго неправославнаго новшества. Такъ, отвѣчая на вопросъ откуда и когда именно появилось у грековъ троеперстіе, Лазарь говоритъ, что оно принято греками отъ латинянъ еще до паденія Царьграда въ лѣто 6847-е, когда греческій царь „Иванъ Мануйловичъ“, чтобы найти у папы помощь противъ турокъ, подчинился латинству и принялъ три папезскіе законы: обливаться въ крещеніи, знаменоваться тремя перстами и не носить на себѣ крестовъ. Инокъ Авраамій говоритъ, что троеперстіе появилось у грековъ только во время владычества надъ ними турокъ, когда притѣсненія въ вѣрѣ со стороны турецкаго царя заставили грековъ обратиться за помощію къ папѣ, который и научилъ ихъ креститься троеперстно. Въ другомъ мѣстѣ онъ точно опредѣляетъ самое время появленія у грековъ троеперстія. Именно онъ говоритъ: „тамо сія у нихъ недавно вселилася прелесть, всего осмьдесятъ лѣтъ. А прежде того отнюдь не было сія, и ни который богословецъ и учитель церковный не написалъ нигдѣ; ни предалъ тремя перстами креститься“. Греческіе патріархи—Іеремія и Теофанъ,

боры, на которыхъ, подъ его предсѣдательствомъ, рѣшались нѣкоторые церковные вопросы, каковъ напримѣръ, вопросъ: чрезъ перекрещиваніе, или только чрезъ миропомазаніе слѣдуетъ принимать въ православіе латинянъ. Іерусалимскій патріархъ Теофанъ поставилъ на Москвѣ въ патріархи Филарета Никитича. Изъ этихъ фактовъ относительно самой русской церкви устанавливалось такое положеніе: если греки дѣйствительно потеряли православіе еще до паденія Константинополя, то отсюда неизбежно получался тотъ выводъ, что наши московскіе патріархи были поставлены греческими уже отступившими отъ православія патріархами и значить, вся наша позднѣйшая церковная іерархія, какъ ведущая свое начало отъ неправославной греческой іерархіи, какъ вытекающая изъ мутнаго и загрязненнаго источника, тоже не можетъ быть признана вполне чистою. Нежеланіе сдѣлать подобный неизбежный выводъ и побуждало нѣкоторыхъ, болѣе разсудительныхъ и осторожныхъ противниковъ церковной реформы Никона, признать греческую іерархію конца XVI и начала XVII вѣка православною, а самое время отпаденія грековъ отъ православія отодвинуть чуть не къ самой половинѣ XVII вѣка, причѣмъ они однако не объясняли, вслѣдствіе какихъ особыхъ причинъ и обстоятельствъ именно къ половинѣ XVII вѣка, а не равнѣе, грекамъ пришлось отступити отъ православія.

бывшіе въ Москвѣ, и поставившіе у насъ нашихъ патриарховъ, еще крестились, по увѣренію Авраамія, двоеперстно. Дьяконъ Ѳеодоръ увѣряетъ, что троеперстіе у грековъ появилось благодаря иподьякону Дамаскину, который жилъ всего девяносто лѣтъ тому назадъ, и что именно отъ него греки „ту прелесть приняли троеперстную... отъ его книги прельстились“. При этомъ Ѳеодоръ рѣшительно заявляетъ, что троеперстіе есть армянская ересь, а, значитъ, вовсе не латинская и къ грекамъ перешла не отъ латинянъ, а отъ армянъ“. „Сложеніе тріехъ перестъ, говоритъ онъ, армянскаго мудрованія... Злое то мудрованіе (троеперстіе) и неправославно, но арменско есть, богострастное, и Евтиху и Діоскору согласуетъ, отметающимъ вочеловѣченіе Христово, и единовольникомъ мудрованіе сходно“. И инокъ Авраамій, утверждавшій ранѣе, что греки научены были троеперстію римскимъ папою Аеесомъ, конечно увлеченный дьякономъ Ѳеодоромъ, забываетъ это свое объясненіе происхожденія троеперстія отъ латинянъ и начинаетъ, согласно съ Ѳеодоромъ, завѣрять, что греки стали употреблять троеперстіе прельстившись книгою иподьякона Дамаскина, что „трема персты армены еретики крестятся“ и что „знать тотъ иподіаконъ (Дамаскинъ) еретикъ былъ арменскія вѣры“¹⁾.

Относительно греческихъ книгъ дьяконъ Ѳеодоръ завѣряетъ, что у грековъ теперь есть двоякія книги: одни—немногія старыя, правыя, неиспорченныя еретиками; другія—печатныя, испорченныя еретиками, такъ какъ прошли чрезъ еретическія руки. „Греческія бо книги, говоритъ онъ, двои стали давно у нихъ (грековъ): рукописныя старыя малыя, кои остались не сожжены отъ римлянъ, и тѣ правыя книги; и другія новыя—печатныя новыя греческія книги есть, ихъ печатали по взятіи Царяграда, и тѣ всѣ растлѣнны суть и римскихъ ересей наполнены... Греки по нуждѣ покупаютъ ихъ, зане печати у нихъ нѣсть и при вѣрныхъ царехъ не было. А кои греки благочестіе хранятъ чисто, тіи отнюдь тѣхъ книгъ не пріемлютъ, но препишутъ съ нужею старыя и по тѣмъ славятъ Бога. И во Аеонской горѣ 20 монастырей греческихъ и 4 русскихъ, а вси тѣхъ книгъ, сквозъ еретическія руки прешедшихъ, не пріемлютъ же“. Такимъ

¹⁾ Матер. VI, 250. VI, 49, 52, 56, 69, 305, 306. VII, 30, 31, 246, 295, 299.

образомъ дьяконъ Ѳеодоръ признаетъ, въ приведенномъ свидѣтельствѣ, что не всѣ греки отпали отъ православія, но между ними есть и такіе, которые „благочестіе хранятъ чисто“. Къ такимъ грекамъ, между прочимъ, принадлежатъ иноки аеонскихъ монастырей, такъ какъ всѣ они не принимаютъ греческихъ печатныхъ книгъ, „сквозъ еретическія руки прешедшихъ“. Но когда ему пришлось коснуться факта сожженія русскихъ книгъ на Аеонѣ, онъ уже говоритъ объ аеонскихъ инокахъ другое, что они, „завистливымъ тьмими духомъ“, не хотѣли допустить, чтобы кто либо читалъ на Аеонѣ по правымъ московскимъ книгамъ, слагалъ персты по московски—двоперстно и другихъ училъ тому же правому перстосложенію. Полное православіе грековъ аеонитовъ является здѣсь у него уже сомнительнымъ. Инокъ Авраамій аеонитовъ прямо признаетъ неправославными. „Да и сіе, государь, пишетъ онъ, какая правда: во Аеонской горѣ греки сожгли своихъ святѣйшихъ патріарховъ многосложный свитокъ—книгу, что писанъ къ Ѳеофилу царю иконоборцу, и рукъ къ нему приложили 1465, собравшія вси церковницы. Тогда тѣ же греки и нашу русскую псалтырь съ послѣдованіемъ сожгли, и книгу Кирилла іерусалимскаго сожгли и иныхъ немало. И какое ихъ нынѣ православіе? И какіе ереси нашли во святыхъ тѣхъ книгахъ?“ Соловецкіе челобитчики относительно греческихъ книгъ идутъ далѣе. Они увѣряютъ, что и старыя греческія книги въ большинствѣ уже давно были испорчены различными еретиками, которыхъ въ старое время такъ много было между самими греками. „А которыя, государь, пишутъ они, старыя книги у нихъ, грековъ, нынѣ еще есть, и тѣ книги отъ еретиковъ многія испорчены, насѣяно въ нихъ много худыхъ плевель: понеже во время тѣхъ старыхъ книгъ въ грекахъ и еретиковъ и богохульниковъ и иконоборцовъ было много“. Инокъ Авраамій, съ своей стороны, заявляетъ, что теперь у грековъ вообще никакихъ старыхъ книгъ уже нѣтъ совсѣмъ. „Сказано отъ блаженнаго Максима, пишетъ онъ, что въ грекахъ, по взятіи Царяграда, великая скудость книжная, и самъ онъ, блаженный Максимъ, учиться ходилъ въ западныя страны скудости ради книжной. Да и по описанію Арсенія Суханова, древнія великія обители у нихъ всѣ разорены и жи-

вуть въ нихъ бусорманы: и откуда у нихъ древнимъ книгамъ быть?“¹⁾

Очевидно, что противники церковной реформы Никона въ сужденіяхъ объ отпаденіи грековъ отъ православія, о порчѣ греческихъ книгъ еретиками, объ усвоеніи греками еретическихъ новшествъ отъ латинянъ или отъ армянъ, не имѣли въ своемъ распоряженіи какихъ либо дѣйствительныхъ, твердо установленныхъ историческихъ фактовъ; очевидно у нихъ не хватало ни знаній, ни умѣнья сколько нибудь основательно разобратся въ этихъ вопросахъ и какъ слѣдуетъ выяснитъ ихъ своимъ читателямъ. Пораженные несходствомъ тогдашней греческой церковной практики съ русскою, новоисправленныхъ по греческимъ никоновскимъ книгъ съ старыми русскими, не умѣя понять и объяснить какъ слѣдуетъ этаго явленія,—они рѣшили, что только одно русское единственно православно, а все тогдашнее греческое—неправославно, испорчено еретиками. Для обоснованія и оправданія этаго положенія, они искали данныхъ всюду, и находили ихъ въ разныхъ сомнительныхъ ходячихъ сказаніяхъ и слухахъ (сказаніе о бѣломъ клубукѣ, рассказы о сожженіи всѣхъ греческихъ книгъ латинами), въ подложныхъ грамотахъ (грамота царя Константина папѣ Сильвестру), въ случайныхъ заявленіяхъ отдѣльныхъ лицъ (греческихъ патріарховъ Іереміи и Теофана), неимѣвшихъ въ дѣйствительности того смысла, какой имъ они навязывали, въ показаніи такихъ лицъ, которыя давали завѣдомо ложныя свѣдѣнія²⁾. При этомъ они вовсе не задавались вопросомъ: на сколько правильно и возможно пользоваться такими сомнительными данными, не относились къ этимъ даннымъ критически, не старались опредѣлитъ ихъ дѣйствительную исто-

1) Матер. VI, 30, 157, 158. IV, 258—259. VII, 306, 403.

2) Дьяконъ Федоръ признаетъ, что и сейчасъ въ Іерусалимѣ у Гроба Господня еще православно дуютъ аллилуйю и крестятся двоеперстно. Въ доказательство этого онъ рассказываетъ слѣдующее: „азъ бо извѣстно о семъ вѣдаю и самаго конархиста Гроба Господня, именемъ Павла, видѣхъ на Москвѣ, бывша въ 174 году, и съ нимъ много бесѣдовахъ о всемъ, онъ же сказа ми: патріархъ де іерусалимскій по старому слагаетъ персты, за кое знаменіе крестное вы почаша нынѣ страдати, и Никона де онъ предтечу антихристовою зоветь“. (Матер. VI, 161). Очевидно іерусалимскій канонархъ говорилъ такъ, желая оказать Федору любезность, а тотъ эту любезность принялъ за чистую монету.

рическую цѣнность, а все принимали на вѣру и притомъ такъ, какъ желали они. Они искренно вѣрили въ несомнѣнность самаго факта отступленія грековъ отъ православія, а о томъ, какъ литературно прочно обосновать и удовлетворительно выяснить этотъ фактъ, они не особенно заботились, такъ какъ, по ихъ мнѣнью, дѣло по существу было ясно, само говорило за себя, а потому и не нуждалось ни въ какихъ особенныхъ изысканіяхъ, провѣркахъ и доказательствахъ.

Какъ пользовались противники церковной реформы Никона тѣмъ матеріаломъ, какой былъ у нихъ подъ руками, для доказательства отпаденія грековъ отъ православія, это хорошо видно изъ слѣдующаго. Всѣ они обыкновенно ссылаются на двухъ греческихъ патріарховъ—Константинопольскаго Іеремію и Іерусалимскаго Теофана, которые, будучи въ Москвѣ и поставляя здѣсь нашихъ патріарховъ, не только будто бы восхваляли русское благочестіе, какъ высшее и совершеннѣйшее въ цѣломъ мірѣ, но и до конца уничтожили тогдашнее греческое благочестіе, признали, что правая вѣра, во всей ея полнотѣ, сохраняется теперь не у грековъ, а только у русскихъ. Такъ соловецкіе челобитчики, напримѣръ, пишутъ государю: „сами вселенскіе патріархи, Іеремія цареградскій и Теофанъ іерусалимскій, ихже глаголють всякими добродѣтелями украшенныхъ сущихъ, и бывшимъ имъ въ московскомъ государствѣ довольно время, отъ нихже и первопрестольники соборныя и апостольскія церкви, Іевъ митрополитъ и дѣдъ твой, великаго государя, блаженный Филаретъ Никитичъ, въ твоёмъ, великаго государя, російскомъ московскомъ царствѣ на патріаршескій престолъ возведены быша, и видѣвше истинную нашу православную непорочную вѣру, зѣло похвалили; своужь они греческую вѣру, отъ нея же нынѣ исправленія ищемъ, до конца сами уничтожили, яко же въ книгѣ, глаголемей Коричей, московской печати, о семъ свидѣтельствуеть, что де у нихъ во Іерусалимѣ и во всѣхъ тамо сущихъ восточныхъ странахъ конечное православныя вѣры греческаго закона отъ агарянъ насиліе и погубленіе, и церквамъ Божіимъ запусѣніе и разореніе, но точію единъ на всей вселенней владыка и блюститель непорочныя вѣры Христовы христіанскій самодержавный великій государь благочестіемъ всѣхъ превзыде

и вся благочестивая въ твое государево едино царство собралася“¹⁾).

Совершенно справедливо, что разные греческіе іерархи постоянно заявляли московскому правительству о крайнеобдѣстvenномъ положеніи православной церкви на востокѣ, вслѣдствіе разныхъ притѣсненій со стороны турокъ. Такъ патріархъ Мелетій Пигасъ въ 1590—1593 г. пишетъ царю Θεодору: „восточная церковь и четыре патріархаты православные не имѣютъ другого покровителя, кромѣ твоей царственности; ты для нихъ какъ бы второй великій Константинъ. Посему и мы въ нуждахъ нашихъ, послѣ Бога,зираемъ къ тебѣ, и если бы не помощь твоей царственности, то, вѣрь православнѣйшій царь, православіе нашлось бы въ крайней опасности, также какъ и эта патріархія... Да будетъ твое царское величество общимъ попечителемъ, покровителемъ и заступникомъ церкви Христовой и уставовъ богоносныхъ отцевъ“. Въ другомъ письмѣ къ царю Θεодору, въ 1593 году, Мелетій пишетъ: „мы знаемъ твое священное царство, какъ предуготованное предвѣденіемъ всевидящаго Бога всяческихъ, знаемъ и тебя царя, какъ написаннаго въ книгѣ живыхъ не чернилами, но перстомъ всевышняго Бога, а вашу церковь, какъ избранную о Христѣ до сложенія міра, въ наслѣдіе святыхъ во свѣтѣ... Горячо заботься о ней (восточной церкви); чтобы она, поработенная и разсѣянная среди ассирянъ, вавилонянъ и египтянъ, не исчезла до конца, подавляемая чрезмѣрными угнетеніями и нуждами“²⁾).

Такъ говорилъ alexандрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ въ письмѣ къ царю Θεодору Ивановичу. Возможно, что и константинопольскій патріархъ Іеремія, будучи въ Москвѣ, тоже указывалъ на важное значеніе для всего православія русскаго царя, какъ единого теперь православнаго царя въ цѣломъ мірѣ, хвалилъ и прославлялъ русскіхъ за ихъ горячую приверженность къ православію и приблизительно можетъ быть говорилъ тѣ слова, какія въ его уста влагаютъ русскія извѣстія. „Во всей подиолнечной, заявлялъ Іеремія, одинъ благочестивый царь; впередъ что Богъ изво-

1) Матер. Ш, 169. VI, 276—277, 331. VII, 247.

2) Мелетій Пигасъ—Малышевскаго, т. 2-й, № II и IV, стр. 4—10.

литъ, здѣсь подобаесть быть вселенскому патриарху; а въ старомъ Цареградѣ за наше согрѣшеніе вѣра христіанская изгоняется отъ невѣрныхъ турокъ“. Въ уложенную грамоту объ учрежденіи въ Россіи патриаршества, которая была составлена на Москвѣ отъ лица греческихъ и русскихъ іерарховъ, внесена была и такая рѣчь, будто бы сказанная Іереміею: „понеже убо ветхій Римъ падесея аполинаріевою ересью, второй же Римъ, иже есть Константинополь, агарянскими внуцы, отъ безбожныхъ турокъ, обладаемъ; твое же, о благочестивый царю, великое руссійское царствіе, третій Римъ, благочестіемъ всѣхъ превзыде, и вся благочестивая царствіе въ твое въ едино собрася, и ты единъ подъ небесемъ христіанскій царь именуеши во всей вселенней, во всѣхъ христіанахъ, и по Божію промыслу и пречистые Богородицы милости, и молитвъ ради новыхъ чудотворцевъ великаго руссійскаго царствія, Петра и Алексѣя и Іоны, и по твоему царскому прошенію у Бога, твоимъ царскимъ совѣтомъ, сіе превеликое дѣло (учрежденіе патриаршества) исполнитца“. Несомнѣнно, что рѣчи Іереміи въ нашемъ документѣ приданъ очень уже замѣтный русскій колоритъ, почему она является скорѣе произведеніемъ московскаго приказнаго искусства, чѣмъ рѣчью греческаго патриарха, хотя и въ настоящемъ своемъ видѣ она совсѣмъ не заключаетъ въ себѣ того, чтобы Іеремія, восхваляя русское благочестіе, въ то же время „свою греческую вѣру до конца уничтожилъ“. Для правильнаго сужденія о московскихъ рѣчахъ и дѣятельности Іереміи нужно имѣть въ виду еще и то обстоятельство, что кромѣ нашихъ русскихъ оффиціальныхъ правительственныхъ извѣстій о пребываніи въ Москвѣ Іереміи и объ учрежденіи имъ у насъ патриаршества, сохранились и другія современныя извѣстія, принадлежащія, что особенно важно, спутнику Іереміи, монемвасійскому митрополиту Іерофею, и рисующія всю обстановку учрежденія у насъ патриаршества и дѣятельность Іереміи въ нѣсколько иномъ видѣ, нежели какъ объ этомъ говорятъ русскіе документы. Іеремія, по словамъ Іерофея, усиленно желалъ самъ остаться патриархомъ въ Москвѣ, и когда это оказалось неудобнымъ, онъ *противъ воли* согласился на поставленіе патриарха изъ русскихъ. Самая грамота объ учрежденіи патриаршества въ Россіи составлена была только одними русскими, и напи-

сана только по русски, какъ имъ желалось. Когда дьякъ Андрей Щелкаловъ поднесъ ее для подписи Іереміи, тотъ не читая, такъ какъ не зналъ русскаго языка, подписался подъ грамотою. Не такъ относился къ дѣлу монемвасійскій митрополитъ Іерофей. Онъ возмущался неосторожнымъ и нѣсколько легкомысленнымъ поведеніемъ въ Москвѣ Іереміи, котораго, по его мнѣнію, русскіе просто обманывали и хитростію заставляли дѣлать то, что имъ хотѣлось. Онъ предостерегалъ Іеремію отъ необдуманныхъ поступковъ и самъ дѣйствовалъ очень осторожно. Когда дьякъ Щелкаловъ обратился къ нему съ просьбою подписаться подъ уложенною грамотою объ учрежденіи у насъ патріаршества и сказалъ, что патріархъ Іеремія уже подписался, Іерофей возразилъ: „что это за грамота, и что я въ ней долженъ подписывать?“ Щелкаловъ отвѣтилъ: „написано, какъ вы поставили патріарха и какъ вы пришли сюда“. Іерофей замѣтилъ: „приличнѣе было-бы написать ее по гречески, а не по русски, да и предложить ее выслушать“, и затѣмъ рѣшительно отказался подписать грамоту изъ опасенія, *чтобы не раздѣлилась церковь Божія, не настала другая глава и не произошла великая схизма*. Однако Іерофей все таки принужденъ былъ подписать грамоту. На православномъ востокѣ, какъ и предполагалъ Іерофей, къ поставленію въ Москвѣ патріарха отнеслись съ нескрываемымъ неудовольствіемъ и порицали за это Іеремію. Тотъ же самый Мелетій Пигасъ, который писалъ вышеприведенныя письма къ царю Ѳеодору Ивановичу, по поводу учрежденія въ Москвѣ патріаршества писалъ въ Константинополь къ патріарху Іереміи слѣдующее: „я очень хорошо знаю, что ты погрѣшилъ возведеніемъ московской митрополіи на степень патріаршества, потому что тебѣ небезызвѣстно (если только новый Римъ не научился слѣдовать древнему), что въ этомъ дѣлѣ не властенъ одинъ патріархъ, но властенъ только синодъ и притомъ вселенскій синодъ; такъ установлены всѣ до нынѣ существующія патріархи. Поэтому ваше святѣйшество должно было получить единодушное согласіе остальной братіи, такъ какъ, согласно постановленію отцовъ третьяго собора, всѣмъ надлежитъ знать и опредѣлять то, что слѣдуетъ дѣлать всякій разъ, когда разсматривается вопросъ общій. Извѣстно, что патріаршій престолъ не подчиняется никому иному, какъ только

каеолической церкви, съ которою онъ соединенъ и связанъ исповѣданіемъ единой и неизмѣняемой православной вѣры. Я знаю, что ты будешь поступать согласно этимъ началамъ, и то, что ты сдѣлалъ по принужденію, по размышленіи, уничтожишь словесно и письменно. Но такъ какъ наши слова не приводятъ тебя ни къ чему доброму, а только къ смущенію, гнѣву и ихъ послѣдствіямъ, то я избавляю ваше святѣйшество отъ моихъ упрековъ и самого себя отъ хлопотъ, и молю Бога быть милостивымъ къ вамъ во всемъ на будущее время“.

Очевидно, что греки совсѣмъ не желали и не думали возвеличивать и восхвалять русскихъ на свой собственный счетъ, никогда не думали уничтожать и дѣйствительно не уничтожали своего благочестія, никогда не признавали какую-то неполную чистоту своихъ православныхъ вѣрованій, которыя будто-бы сохранились теперь у однихъ русскихъ. Въ дѣйствительности они всегда думали какъ разъ наоборотъ. У грековъ существовалъ взглядъ, подсказанный имъ вѣковыми традиціями и національною гордостью, которому они старались придать даже каноническій характеръ,—что только древніе четыре патріархата (пятый римскій) должны существовать въ православномъ мірѣ, и что все настоящее христіанство заключено въ предѣлахъ этихъ четырехъ патріархатовъ, которые должны находиться исключительно въ рукахъ грековъ. Въ окружномъ посланіи константинопольскаго патріарха Каллиника, заключавшемъ въ себѣ соборное постановленіе по дѣлу синайскаго архіепископа Ананіи (присутствовавшего у насъ на соборѣ 1667 года), стремившагося сдѣлаться автокефальнымъ, говорится, что находится внѣ четырехъ патріархатовъ значило то же, что находится внѣ христіанства, „внутри бо четырехъ патріархатовъ все христіанство ограждается“, хотя въ это время существовалъ пятый православный патріархатъ—московскій, который, очевидно, на греческій взглядъ, былъ ненастоящій, совсѣмъ не то, что четыре древніе греческіе патріархаты. И ранѣе обстоятельства вынуждали грековъ, вопреки ихъ желаніямъ, учреждать патріархаты—болгарскій и сербскій, но, при первой возможности, они уничтожали ихъ какъ учрежденія противныя національнымъ греческимъ интересамъ. Поэтому и рѣчи Константинопольскаго патріарха Іереміи о прево-

сходствѣ русскаго благочестія въ цѣломъ мірѣ, о превосходствѣ русскаго православія, какъ болѣе чистаго и совершеннаго, чѣмъ греческое, о чемъ постоянно говорятъ противники церковной реформы Никона, простая осторожность требуетъ признать не рѣчами самого Іереміи, а мѣстнымъ московскимъ издѣлемъ, хотя и возникшимъ, вѣроятно, на основѣ дѣйствительныхъ дипломатично-хвалебныхъ рѣчей грека Іереміи предъ русскимъ правительствомъ, отъ котораго ему желалось получить возможно щедрую милостыню ¹⁾.

То же самое нужно сказать и о рѣчахъ іерусалимскаго патріарха Теофана, поставившаго у насъ въ патріархи Филарета Никитича. До насъ дошла очень любопытная записка современника очевидца о томъ: „какъ служилъ Теофанъ іерусалимскій съ русскими митрополитами и со архіепископами“ (въ 1619 году) ²⁾. Въ этой запискѣ подробно описывается, какъ самъ Теофанъ, и сослужившіе ему вмѣстѣ съ русскими греки, дѣлали разныя ошибки противъ тогдашняго русскаго церковнаго чина и обычая, и какъ русскіе въ своей сердечной простотѣ серьезно поучали самого Теофана и другихъ служившихъ грековъ, что и какъ имъ нужно дѣлать и поступать, чтобы церковная служба отправлялась по настоящему, т. е. по московски. Теофанъ подчинился своимъ русскимъ руководителямъ и поступалъ такъ, какъ ему показывали. Когда, по окончаніи службы, Теофана изъ собора до келіи провожали служившіе съ нимъ русскіе іерархи онъ, обратившись къ нимъ, сказалъ: „просвѣтили де вы меня своимъ благочестіемъ, и напоили де жаждущую землю водою своего благочестиваго ученія, и на томъ де вамъ много челою бью“. Эта полная ироніи благодарность Теофана за его просвѣщеніе особымъ русскимъ благочестіемъ и русскимъ благочестивымъ ученіемъ, была принята однако русскими за чистую монету, и они были искренно увѣрены, что дѣйствительно поучили грековъ и самого іерусалимскаго патріарха настоящему православному церковному чину, такъ какъ

¹⁾ Подробности объ учрежденіи у насъ патріаршества можно найти въ нашей книгѣ: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, гл. II, стр. 34—69.

²⁾ Эта записка полностью напечатана въ нашей книгѣ: Патріархъ Никонъ, стр. 32—34, въ примѣчаніи.

греки, наивно поясняет записка, „по грѣху позакоснѣли отъ перваго предавнаго имъ чина“.

Но если греки не могли уничижать въ Москвѣ и дѣйствительно никогда не уничижали своего благочестія и вѣры предъ русскими, то какъ же нужно понимать ихъ усиленные восхваленія русскаго благочестія и правовѣрія, ихъ признаніе, что русскій царь, единый теперь православный царь въ цѣломъ мірѣ, служить единственною опорой и защитою всего православія, что безъ его реальной помощи и покровительства оно можетъ окончательно погибнуть на востокъ отъ турецкихъ притѣсненій?

Все дѣло объясняется, съ одной стороны, тѣмъ обстоятельствомъ, что разные греческіе іерархи и лично и письменно обращались въ Москву въ качествѣ просителей милостыни, и, желая получить ее отъ московскаго правительства какъ можно больше, старались, какъ и всякіе просители—милостышесобиратели, всячески угодить и понравиться своимъ благодѣтелямъ, ради чего и говорили по ихъ адресу только одни пріятныя для русскихъ вещи, старались восхвалить и подчеркнуть ихъ высокія христіанскія качества и всякія добродѣтели, чтобы расположить русскихъ къ нескудной милостынѣ своимъ страждущихъ единовѣрцамъ. Съ другой стороны, когда греческіе іерархи, являясь въ Москву, всячески хвалили русское благочестіе, говорили, что теперь только въ московскомъ царствѣ вполнѣ процвѣтаетъ истинное благочестіе; то этимъ они вовсе не хотѣли сказать того, какъ это думали русскіе патріоты, что у грековъ истинная вѣра и благочестіе уже замутились, не сохранились во всей полнотѣ и чистотѣ, а только то, что положеніе православія на Москвѣ во всѣхъ отношеніяхъ находится въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, въ какихъ оно уже не находится у грековъ, поработенныхъ турками. На Москвѣ православіе можетъ проявлять себя безъ всякой помѣхи во всей своей силѣ и мощи, не только съ внутренней стороны, но и съ внѣшней,—русскіе на началахъ православія могутъ постронть всю свою частную и общественную жизнь и дѣятельность, могутъ придать внѣшнимъ проявленіямъ православія всякій блескъ и всю полноту и ширину церковнаго величія, чего не можетъ быть у грековъ, находящихся подъ турецкимъ игомъ. Но это сознаніе вовсе не означало, чтобы греки при-

знали по существу, по внутреннимъ, такъ сказать, качествамъ русское благочестіе въ какомъ либо отношеніи высшимъ и совершеннѣйшимъ чѣмъ тогдашнее греческое; имъ и въ голову конечно не приходило признавать, чтобы полное и совершеннѣйшее православіе и благочестіе теперь сохранилось только у русскихъ, а не у грековъ. Въ этомъ отношеніи греки думали какъ разъ обратное русскимъ. Даже о характерѣ благочестія выдвигающагося русскаго церковнаго реформатора—грекофила Никона, константинопольскій патріархъ и соборъ, какъ мы видѣли, составилъ, на основаніи вопросовъ Никона къ константинопольскому патріарху Паисію, не особенно высокое представленіе.

Такимъ образомъ противники церковной реформы Никона, когда имъ пришлось точно и опредѣленно формулировать свои воззрѣнія на современныхъ грековъ, создать и прочно обосновать свои взгляды на отступленіе грековъ отъ истиннаго православія, — оказались не на высотѣ предстоящей имъ задачи. Они рѣшали вопросъ очень поверхностно, разнорѣчиво и даже противорѣчиво и, въ большинствѣ, очень несогласно съ историческою дѣйствительностію, которую они или плохо знали, или не умѣли ею пользоваться какъ слѣдуетъ. Но если все, сообщаемое ими объ отпаденіи грековъ отъ православія, освободить отъ разныхъ противорѣчій и несообразностей, встрѣчающихся у отдѣльныхъ писателей, а ихъ руководящія мысли привести въ порядокъ; то получится слѣдующая теорія отступленія грековъ отъ православія, созданная первыми церковными противниками Никона:

а) Уже древніе греки очень падки были на всякія ереси,— у нихъ, съ древнѣйшихъ временъ, много было еретиковъ: царей, патріарховъ, архіереевъ и другихъ лицъ всякихъ общественныхъ ранговъ и положеній. Въ этомъ отношеніи даже древніе греки представляютъ полную противоположность русскимъ, у которыхъ никогда не было еретичествующихъ царей и архіереевъ.

б) Греки, еще задолго до завоеванія Константинополя турками, были уже народомъ нравственно глубоко испорченнымъ и развращеннымъ. Даже въ чисто церковной жизни у нихъ господствовали очень крупныя пороки: сребролюбіе, симонія и т. под.

в) На такой, уже растлѣнной раннѣйшими ересьями и по-

роками почвѣ, легко было возникнуть флорентійской уніи, когда греки, въ лицѣ своихъ высшихъ свѣтскихъ (царя) и духовныхъ представителей (патріарха и большинства бывшихъ на флорентійскомъ соборѣ греческихъ іерарховъ) отступились отъ родного православія и соединились съ латинами.

г) Правда флорентійская унія съ самаго начала не была принята большинствомъ греческаго народа, а потомъ совсѣмъ отвергнута всею греческою церковію, но она уже сдѣлала въ православной греческой средѣ свое злое дѣло. Латинство, какъ тонкій ядъ, незамѣтно стало проникать во всѣ поры греческой церковной жизни, постепенно отравлять ее и передѣлывать на свой ладъ. Къ тому же у латинянъ явились два могучія орудія для воздѣйствія на грековъ,— печать и школа, эти два канала, которые непрерывно изливали въ греческую православную среду струи латинскаго отравляющаго ученія, что и повело къ появленію въ греческой церковной практикѣ и въ самомъ вѣроученіи различныхъ латинскихъ новшествъ.

д) Если латинство дѣйствовало отравляющимъ и разлагающимъ образомъ на внутреннюю сторону православія, вводя въ православное вѣроученіе латинскія новшества, то завоеваніе Константинополя турками сыграло ту же разлагающую роль относительно виѣшней церковно-обрядовой стороны греческой жизни и всего церковнаго быта грековъ. Турецкое иго не касалось внутренней стороны вѣрованій грековъ, но зато турки разоряли ихъ монастыри и церкви, запрещали грекамъ торжественно и публично совершать различныя церковныя службы и церемоніи, до крайности стѣснили и принизили всю вообще ихъ церковную жизнь, которая по необходимости являлась во всемъ нѣсколько урѣзанною и умаленною сравнительно съ древнимъ временемъ.

е) Если латинство и турецкое иго дѣйствовали разлагающимъ образомъ на внутреннюю и виѣшнюю церковно-религіозную жизнь грековъ, то само собою понятно, русскимъ никакъ не слѣдуетъ копировать позднѣйшіе греческіе церковные порядки, что дѣлалъ Никонъ, а слѣдуетъ держаться своихъ русскихъ порядковъ, которые восприняты нами отъ грековъ въ лучшую пору ихъ церковной жизни и доселѣ хранятся у насъ въ ихъ прежнемъ неизмѣненномъ видѣ.

Очевидно измѣнять наши русскіе церковные порядки по образцу современныхъ греческихъ, значитъ завѣдомо ихъ портить, а не улучшать.

Изложенная нами теорія отпаденія грековъ отъ православія нигдѣ однако и ни однимъ изъ первыхъ литературныхъ противниковъ церковной реформы Никона не была изложена въ цѣломъ видѣ, ясно, опредѣлено и послѣдовательно формулирована. Они всегда высказывали свои воззрѣнія по этому предмету отрывочно, эпизодически, по тому или другому частному и отдѣльному случаю, такъ что изслѣдователю приходится собирать разбросанныя въ ихъ сочиненіяхъ части и изъ нихъ уже самому составлять стройное цѣлое.

Отрицая церковную реформу Никона, какъ во всѣхъ отношеніяхъ бесполезную, несостоятельную и очень вредную, защитники старины въ то же время признавали однако нужду въ реформѣ вообще, но реформѣ такой, которая была бы направлена только на исправленіе и улучшеніе народной жизни, зараженной многими пороками, языческими суевѣрїями и т. под., такъ что они находили нужнымъ и желали исправлять, какъ выражается протопопъ Аввакумъ, не книги, а нравы. Точно также защитники старины признавали, что въ нашей церковной жизни есть много нестроеній и непорядковъ, требующихъ исправленія. Они, какъ мы знаемъ, уже ранѣе обличали зазорную жизнь приходскаго духовенства, его небрежное отношеніе къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ, нарушеніе имъ, при совершеніи церковныхъ службъ, устава. Позднѣе они съ особою силою стали указывать на непорядки въ самой нашей высшей церковной іерархіи и на происходящія отсюда разныя прискорбныя явленія въ церковной жизни. Они смотрѣли на архіереевъ какъ на людей ведущихъ не монашескій роскошный образъ жизни, думающихъ только о себѣ и своихъ удовольствїяхъ, какъ на людей не слѣдующихъ правдѣ, допускающихъ всякія злоупотребленія по епархіальному управленію вообще и, особенно, по замѣщенію разныхъ церковныхъ должностей, и въ то же время какъ на льстецовъ предъ царемъ и сильными міра, готовыхъ, ради личныхъ интересовъ и выгодъ, поступиться рѣшительно всѣмъ, даже самымъ святымъ. Они собирали, особенно о нелюбимыхъ ими архіереяхъ, всякіе

ходячіе рассказы и сплетни и, не задумываясь, передавали ихъ какъ историческіе факты,—личныя нападки на нѣкоторыхъ архіереевъ были обычны у нихъ. Дьяконъ Ѳеодоръ, напримѣръ, пишетъ: „сами начальники и отступники (т. е. архіереи) не дверію видоша во дворъ овчій, но тако, яко татіе суть и разбойницы, по словеси Христову;—прескочиша ограду священныхъ правилъ: попы бывше въ міру, и растлѣнно житіе проходяще. Таковыхъ святая правила отнюдь отсѣкаетъ ихъ не быти епископомъ мірскому поцу постригшемуся; ниже патрахили имъ прощаютъ наложити, не токмо на архіерейство дерзати таковымъ. А они вси міретін попы бывше, кромѣ малыхъ; и каковы сами преступницы отеческихъ преданій и законовъ, таковыхъ же и въ причетъ поставляюще, неуксусныхъ писанію простяковъ, воровъ же и пьяницъ, и гнусное житіе отъ юности проходящихъ многихъ, и дѣтямъ неискустнымъ вручающе страшное таинство, 9 лѣтъ и меньше въ чтецы и пѣвцы поставляюще, и таковыми блуда исполниша церковь... Во діаконы ихъ 15 лѣтъ поставляютъ, въ попы 20-ти лѣтъ, овыхъ и меньше! А священная правила вся сія отместуть беззаконія и анаемѣ предають... Сія бо имъ подобаше исправляти, а не догматы отеческія превращати“. Инокъ Авраамій пишетъ: „и радуются (архіереи) одѣющеся въ брачпа цвѣтная одѣянія, яко женихи, рясами разнополыми, рукавы широкими, рогатыми клобуки себе и атласными украшающе, скипетры въ рукахъ позлащены имуще, воцаритися надъ людьми хотяще. параманды такожь златомъ вышивающе. Се есть монахъ! се есть учитель! се есть наша вѣра. Таковіи суть нынѣ законоучители—блзнитель и прелестницы!“... 1).

Противники церковной реформы Никона, если и не всѣ, то лучшіе изъ нихъ и болѣе свѣдущіе, тоже признавали порчу старыхъ русскихъ книгъ и нужду ихъ исправленія. Дьяконъ Ѳеодоръ пишетъ: „а письменныя книги многія прочтохъ, идѣже видѣхъ ихъ: *и много искажены*,—въ той тако, а въ иной инаково о святомъ Духѣ“, и затѣмъ указываетъ на самыя разночтенія въ символѣ о святомъ Духѣ, взятыя изъ различныхъ видѣнныхъ имъ книгъ. Въ виду этого дьяконъ Ѳеодоръ не только признавалъ описки и ошибки въ

1) Матер. VI, 68—69, 201—202, 260—328. VII, 98—99, 203, 216, 339, 373.

нашихъ старыхъ книгахъ и нужду въ ихъ исправленіи, но даже ссорился по этому случаю съ Аввакумомъ (и отчасти съ Лазаремъ), когда тотъ говорилъ ему: „ты де старыя книги хулишь и передѣлывать мнѣ велишь, а я де за нихъ мучуся отъ никоніанъ давно прежде тебя“. Но если Ѳедоръ и признавалъ порчу старыхъ книгъ и нужду ихъ исправленія, то онъ существенно расходился съ Никономъ, въ пониманіи самого характера книжныхъ исправленій. Ѳедоръ говоритъ: „не то диво, еже и въ старыхъ книгахъ какія описи бывають и есть, и тому бываетъ правое разсужденіе и послѣди исправляется отъ искусныхъ мужей. Ово бо опись, ово же превращеніе и премѣненіе книгамъ и догматамъ церковнымъ. За опись бо кую въ книгѣ какой и погрѣшенное слово не подобаетъ намъ ни спиратися, ни стояти; а за превращеніе книгъ старыхъ и догматовъ правыхъ измѣненіе подобаетъ всякому христіанину и страдати и умирати, обаче съ разумомъ, испытавъ вещь всякую опасно писаніемъ святыхъ отцевъ“. ¹⁾

Нельзя не признать того, что противники церковной реформы Никона совершенно справедливо указывали, что вся тогдашняя нравственно-религіозная и церковная жизнь страдала очень и очень многими и притомъ самыми серьезными недостатками, и что именно она прежде всего нуждалась въ исправленіи, въ реформѣ, а не книги и обряды. Для вѣры и благочестія, для нравственности человѣка рѣшительно безразлично—крестится ли онъ двумя перстами или тремя, двоитъ или троитъ аллилуйю, отправляетъ ли церковную службу по новоисправленнымъ или по старымъ до никоновскимъ книгамъ: пороки и безнравственность въ общественной жизни, неурядки и нестроенія въ жизни церковной, не могутъ ни уменьшаться, ни исчезать отъ того, если мы одинъ церковный обрядъ замѣнимъ другимъ. Чисто внѣшняя, церковно-обрядовая реформа Никона нисколько не дѣлала тогдашняго общества болѣе религіознымъ, благочестивымъ и нравственнымъ; оно и послѣ реформы оставалось при прежнихъ своихъ порокахъ и разныхъ недостаткахъ. Въ виду этого: внѣшней обрядовой реформѣ Никона ея противники съ полнымъ правомъ могли бы противопоставить

¹⁾ Матер. VI, 10, 127—128.

другую—свою реформу, направленную на улучшение народной нравственности, на искоренение грубых языческаго характера народных нравовъ, обычаевъ, увеселеній, на просвѣтлѣніе и возвышеніе всей вообще христіанской жизни вѣрующихъ, на всецѣлое и всестороннее проникновеніе ея истинно христіанскими началами. Въ этомъ смыслѣ и духѣ они могли бы съ успѣхомъ выставить свою программу и противопоставить ее программѣ Никона. Но у нихъ на такое дѣло не хватало ни правильнаго взгляда на истинно христіанскую жизнь, ни пониманія тѣхъ причинъ и условій, благодаря которымъ и при которыхъ она создается и можетъ существовать, ни умѣнья, исходя изъ извѣстныхъ христіанскихъ принциповъ, на основаніи ихъ создать для жизни вѣрующихъ стройную послѣдовательную систему нравственно-религіозной дѣятельности. Если иногда они и говорятъ, что нужно исправлять не книги, а нравы и самую жизнь, то говорятъ это только мимоходомъ, въ видѣ эпизодическихъ случайныхъ замѣчаній, они нигдѣ нарочито и прочно не устанавливаютъ этой своей точки зрѣнія, не развиваютъ и не противопоставляютъ ее, какъ болѣе вѣрную и для жизни необходимую, внѣшне-обрядовой реформѣ Никона. Они слишкомъ увлекаются полемикой, желаніемъ во что бы то ни стало доказать несостоятельность никоновской реформы, показать и выяснить ея отрицательныя стороны, причемъ всеѣмъ опускаютъ изъ виду положительную сторону своихъ собственныхъ воззрѣній, которыя они могли бы противопоставить программѣ Никона. Отсюда и результатъ ихъ критики получился только отрицательный, а не творчески-созидательный: въ жизни не нужно ничего новаго, слѣдуетъ жить всегда только старому, ничего въ немъ не измѣняя,—только одно старое полезно и спасительно, а все новое вредно и губительно.

Противники церковной реформы Никона не сумѣли правильно поставить и выяснить вопросъ о книжныхъ исправленіяхъ при Никонѣ. Въ исправленіи книгъ при Никонѣ они хотѣли видѣть сознательное и намѣренное искаженіе старыхъ книгъ, желаніе этими исправленіями замутить чистое русское православіе, внести въ него различныя ереси. Въ дѣйствительности конечно ничего подобнаго не было. Никонъ былъ такой же строгій поборникъ и ревнитель православія,

какъ и его противники, онъ такъ же далекъ и чуждъ былъ отъ всякой ереси, какъ и они. Все различіе между ними заключалось только въ томъ, что Никонъ увѣровалъ въ троеперстіе, какъ единственно правильную форму перстосложенія для крестнаго знаменія, въ троеніе, а не двоеніе аллилуи, въ правильность написанія имени Христа Исусъ, вмѣсто прежняго Ісусъ, въ порчу русскихъ церковныхъ книгъ и т. под., тогда какъ его противники по прежнему вѣровали въ двоеперстіе, въ сугубую аллилуію, въ писаніе имени Христа Исусъ и т. под. Ни какой дѣйствительной вѣроисповѣдной разности между ними не было и обѣ враждовавшія стороны были одинаково православны, одинаково далеки отъ какихъ бы то ни было неправославныхъ, а тѣмъ болѣе еретическихъ воззрѣній и вѣрованій. Но Никонъ, какъ скоро онъ увѣровалъ въ большую правильность троеперстія, троенія, а не двоенія аллилуи и под., естественно, какъ ревностный къ процвѣтанію православія архипастырь, постарался энергично реформировать русскую церковную старину сообразно своимъ новымъ вѣрованіямъ, причемъ Никонъ вполне искренно вѣрилъ, что своею реформаторскою дѣятельностію онъ только еще болѣе возвышаетъ старое русское православіе, несознательно усвоившее было въ послѣднее время кое-что неправое и пововодное въ сферѣ церковнаго обряда и чина. Въ этихъ именно видахъ, а не ради своего еретичества, онъ и началъ свои книжныя исправленія. Къ сожалѣнію Никонъ задачу исправленія книгъ понялъ не въ томъ смыслѣ, что нужно исправлять въ нихъ только ошибки, опіски, произшедшія отъ небрежности или невѣжества переписчиковъ, разныя темныя, неточныя и устарѣвшія слова и выраженія, что было бы ему по силамъ, а значительно шире. Онъ, вовсе не знавшій греческаго языка, рѣшилъ однако дѣлать новыя переводы съ греческихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, причемъ, конечно, самъ не могъ ни контролировать, ни провѣрять правильность новыхъ переводовъ, а всецѣло зависѣлъ въ этомъ дѣлѣ отъ случайныхъ переводчиковъ, которые неизбѣжно были настоящими господами положенія. Главнымъ переводчикомъ и справщикомъ книгъ при Никонѣ былъ извѣстный Арсеній грекъ. Защитники старины постоянно и съ особою настойчивостію указываютъ на то обстоятельство, что Арсеній грекъ былъ еретикъ, что

онъ научалъ еретичеству Никона, что онъ, переводя и исправляя книги, нарочно вносилъ въ нихъ все соблазнительное и еретическое. Въ дѣйствительности же это дѣло стояло такъ: Арсеній, до своего прѣзда въ Москву, проживая въ Кіевѣ, нѣсколько выучился говорить по малороссійски. Прибывъ въ Москву и будучи сосланъ на Соловки, онъ здѣсь практически выучился понимать русскую рѣчь и говорить по русски. Какъ грека образованнаго и знающаго русскій языкъ, Никонъ охотно сдѣлалъ Арсенія справщикомъ книгъ, поручилъ въ то же время ему вновь переводить книги съ греческихъ. Но несомнѣнно, что Арсеній, какъ иностранецъ-грекъ, не настолько однако владѣлъ русскимъ языкомъ, чтобы постичь всѣ его тонкости, понимать всѣ его особенности и отгѣнки, умѣть всегда подыскать нужное слово, нужный оборотъ рѣчи, чтобы точно, ясно выразить ту или другую мысль, точно и вѣрно, по строю рѣчи, формулировать извѣстное ученіе. Многое и, конечно, очень многое для Арсенія, какъ иностранца, оставалось въ русскомъ языкѣ непонятнымъ и закрытымъ, почему его переводы естественно во многомъ отличались отъ старыхъ, нерѣдко уступали имъ въ ясности, точности, въ умѣстности того или другого выраженія, казались иногда двусмысленными и соблазнительными. Но, очевидно, всѣ недочеты книжныхъ переводовъ Арсенія, слѣдуетъ объяснять не его еретичествомъ, а его недостаточнымъ знаніемъ русскаго языка, и умѣньемъ владѣть имъ, какъ слѣдуетъ. Другимъ виднымъ переводчикомъ при Никонѣ и послѣ него, былъ Епифаній Славинецкій. Этотъ переводчикъ извѣстенъ какъ крайній приверженецъ буквализма въ переводѣ,—онъ, въ жертву буквализму, приносилъ ясность и понятность самой рѣчи, сочинялъ собственные слова и ихъ сочетанія очень искусственныя и маловразумительныя, лишь бы ближе быть къ подлиннику, отъ чего его переводы всегда неуклюжи, нерѣдко темны и малопонятны, такъ что смыслъ нѣкоторыхъ нашихъ церковныхъ пѣсней и сейчасъ усвоается съ трудомъ. Воплнѣ естественно было поэтому, что переводы книгъ Арсенія и Епифанія иногда дѣйствительно во многомъ уступали старымъ, рацѣ имѣвшимся у русскихъ, переводамъ, и что новонаправленные при Никонѣ книги способны были вызвать разные недоумѣнія. Вотъ именно съ этой—реальной точки зрѣнія

и слѣдовало сторонникамъ старины критиковать и оцѣнивать книжныя исправленія при Никонѣ, совсѣмъ оставивъ въ сторонѣ при этомъ всѣ свои фантастическіе домыслы о еретичествѣ Никона, о сознательной и намѣренной порчѣ и растлѣніи имъ старыхъ русскихъ церковныхъ книгъ. На указанной реальной почвѣ ихъ критика книжныхъ исправленій Никона была бы гораздо убѣдительнѣе, дѣйствительнѣе и для всей русской церкви полезнѣе, чѣмъ ихъ странная, но очень ожесточенная борьба противъ воображаемыхъ ересей, будто бы всюду насѣянныхъ въ новоисправленныхъ никоновскихъ книгахъ.

Нельзя не замѣтить еще и того, что критика противниковъ церковной реформы Никона нерѣдко ведется ими слишкомъ тенденціозно и пристрастно, съ явнымъ намѣреніемъ во что бы то ни стало уронить своихъ противниковъ, хотя бы средства для этого пришлось употребить и не совсѣмъ пригодныя. Вотъ одинъ изъ примѣровъ подобнаго рода. Защитники старины въ своихъ сочиненіяхъ обыкновенно рѣшительно отрицаютъ авторитетъ современныхъ имъ русскихъ архіереевъ, на томъ, между прочимъ основаніи, что почти всѣ тогдашніе архіереи ранѣе были бѣлыми священниками, а потомъ, постригшись въ монахи, сдѣлались епископами. Но по церковнымъ-де правиламъ, говорятъ они, кто былъ въ міру священникомъ и потомъ постригся въ монахи, уже не можетъ быть священникомъ, а тѣмъ болѣе епископомъ: мірской священникъ, по постриженіи въ иноки, обязательно становится только простымъ старцемъ и совершать священническое служеніе не можетъ ¹⁾. Но если это дѣйствительно справедливо, то какимъ же образомъ возможно было, что самые первые и важнѣйшіе противники церковной реформы Никона: Нероновъ, Аввакумъ, Лазарь, Даниилъ, Логиятъ, за своими руками подавали челобитную царю, чтобы онъ, на мѣсто умершаго патріарха Юсифа, поставилъ въ патріархи своего духовника—протопопа Стефана Вонифатьевича? Какимъ образомъ возможно было, что тѣ же самыя лица, когда протопопъ Стефанъ отказался отъ патріаршества, подали, за своими руками, новую челобитную, чтобы въ патріархи былъ

¹⁾ Такъ и именно говорили: Лазарь, Феодоръ, Авраамій. Матер. IV, 262. VI, 63—69, 199—201. VII, 216, 339.

поставленъ Никонъ, ранѣе также бывший мірскимъ священникомъ? Если Никонъ и нѣкоторые другіе современные ему русскіе архіереи, какъ бывшіе ранѣе мірскими священниками, чрезъ правила святыхъ отецъ чинъ на себя восхищаютъ, не дверьми входятъ во святую церковь, но дырою влезать, яко татіе“, если они стали архіереями, дѣйствительно „перескочиша ограду святыхъ правилъ“; то почему же защитники старины признаютъ настоящимъ патріархомъ, и чуть не святымъ—Гермогена, который ранѣе былъ приходскимъ священникомъ въ Казани, а потомъ, овдовѣвъ, постригся въ монахи и сдѣлался казанскимъ митрополитомъ, а затѣмъ и патріархомъ московскимъ? Значитъ, въ такомъ случаѣ, и патріархъ Гермогенъ „не дверьми вошелъ на патріаршество, а дырою, какъ тать, перескоча ограду святыхъ правилъ“? Очевидно, защитники старины тотъ порядокъ, при которомъ и бывшіе мірскіе священники ставились въ архіереи и даже патріархи, находили вполне допустимымъ и законнымъ, не видѣли въ немъ нарушенія церковныхъ правилъ и обычаевъ, когда въ архіереи ставились ихъ сторонники и единомышленники, какими они признавали тогда и Стефана и Никона. И послѣ только того, какъ Никонъ и нѣкоторые другіе архіереи отнеслись къ нимъ враждебно и стали ихъ преслѣдовать, они вспомнили, что Никонъ и нѣкоторые другіе архіереи ранѣе были мірскими священниками и потому не имѣли право на епископство. Если бы отношенія къ нимъ Никона были другія—дружескія, они, конечно, вовсе не вспомнили бы тогда правила о томъ, что бывший мірской священникъ никакъ не можетъ быть патріархомъ, какъ они не помнили этого правила, когда рекомендовали въ патріархи бывшихъ мірскихъ священниковъ—Стефана и Никона.

Указанная, съ нашей точки зрѣнія не очень удачная, критика церковной реформы Никона ея противниками, нисколько однако не мѣшала успѣху ихъ литературныхъ произведеній, распространенію ихъ пониманія дѣла и ихъ воззрѣній въ тогдашнемъ обществѣ—ихъ произведенія, несмотря ни на что, на многихъ производили очень сильное впечатлѣніе. Это потому, что реформы Никона самымъ рѣшительнымъ образомъ ниспровергали исторически сложившіяся народныя представленія о чистотѣ и высокости пра-

вославля у русскихъ, объ ихъ совершеннѣйшемъ въ цѣломъ мѣрѣ благочестіи. Они прямо низводили русскихъ, этого новаго израиля, съ ихъ прежней высоты, въ разрядъ низшихъ, несовершеннѣйшихъ въ религіозномъ отношеніи народовъ, для которыхъ нужна еще опека и водительство со стороны, такъ какъ предоставленные только самимъ себѣ, они способны, благодаря своему неразумію и невѣжеству, привести въ свою церковно-религіозную жизнь разныя новшества, искаженія, чуть не ереси, въ родѣ армянскаго перстосложенія въ крестномъ знаменіи и т. п. Понятно, какъ трудно и тяжело было русскимъ признать справедливость этого жестокаго, суроваго приговора надъ всею ихъ прошлою самостоятельною церковною жизнію, о которой они доселѣ имѣли такое преувеличенно высокое представленіе; понятно какъ трудно и тяжело было имъ снова признать заподозрѣнныхъ ими грековъ за своихъ неизбѣжныхъ, въ дѣлахъ вѣры и церкви, опекуновъ и руководителей, ихъ голосъ, простое указаніе—за законъ для себя, всякое ихъ заявленіе за несомнѣнную, недопускающую противорѣчія истину,—и это даже въ томъ случаѣ, хотя бы все родное, вся собственно русская старина говорила иначе. ¹⁾ Понятно отсю-

¹⁾ Соловецкіе, напримѣръ, челобитчики говорятъ: „греческими книгами они православную нашу христіанскую вѣру истребили до толика, будто и слѣдъ православія въ твоёмъ государствѣ, російскомъ царствіи, до сего времени не именовалось, и учать насъ нынѣ новой вѣрѣ, якоже Мордву и Черемису, невѣдущихъ Бога и истинные христіанскіе православныя вѣры“. Они же заявляютъ государю: „а нынѣ, государь, видя вѣсно ихъ греческаго ученія въ православной нашей христіанской вѣрѣ смятеніе и церквамъ Божіимъ неумиреніе и повсядневое премѣненіе, многіе иноземцы намъ посмѣхаются и говорятъ, будто мы христіанскіе вѣры по сю пору не знали, а буде-де и знали, и по нынѣ заблудили, и о томъ, что де ваша вѣра и нынѣ (книги) всё перемѣнены по новому, и съ прежними вашими кнѣгами, кои при прежнихъ царехъ были, нынѣшніе книги ни въ чемъ ни сходяща. И намъ, государь, противъ ихъ ругательства отвѣту дать нечего, потому что они видятъ наше непостоянство, поносятъ насъ дѣломъ, неточію тѣмъ противимся, и отъ нихъ отходимъ, и говоримъ, что у насъ истинная православная христіанская вѣра отъ крещенія русскія земли, прародителя твоего государева, благовѣрнаго и равно апостоламъ в. кн. Владимера, лѣтъ съ семсотъ до Никонова патріаршества и до учениковъ его, и до нынѣшнихъ греческихъ учителей, стояла нерушима и непоколебима“... Они же, соловецкіе челобитчики, заявляютъ, что ихъ Соловецкая обитель доселѣ „стояла непоколебима и подъ зазоровъ въ православіи отъ греческихъ и русскихъ

да съ какой чуткостію, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ долженъ былъ не потерявши вѣры въ свое прошлое русскій прислушиваться ко всякому смѣлому и энергичному голосу тѣхъ, которые говорили ему, что въ дѣйствительности права во всемъ русская старина, что не только нѣтъ никакой нужды отказываться отъ своего испытаннаго, исторически доказаннаго и оправданнаго прошлаго, въ пользу болѣе чѣмъ сомнительнаго современнаго греческаго, но что такое отступленіе отъ своей святой старины было бы прямо измѣною православію, тяжкимъ гибельнымъ преступленіемъ. Понятно сколько сильныхъ побужденій, какъ много охоты и желанія было у русскихъ вѣрить именно врагамъ Никона, ихъ глазами смотрѣть на всѣ произведенныя имъ реформы, тѣмъ болѣе, что способъ, какимъ Никонъ производилъ реформы, помимо существа дѣла, уже сильно раздражалъ и оскорблялъ народъ, искони отличавшійся приверженностью къ освященнымъ вѣками обрядамъ и обычаямъ и въ измѣненіи ихъ видѣвшій одно нечестіе, премѣненіе вѣры. Самъ Никонъ въ рѣчи, сказанной имъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ при оставленіи патріаршей каѳедры, такъ опредѣляетъ отношеніе народа къ его реформаторской дѣятельности: „когда я ходилъ, говорилъ онъ своей паствѣ, съ государемъ царевичемъ и великимъ княземъ Алексѣемъ Алексѣвичемъ въ Колязинъ монастырь, и въ ту пору на

архіерей ни въ чемъ не бывали; наипаче же отъ начала во святой обители нашей самихъ тѣхъ греческихъ и русскихъ и кievскихъ властей: митрополитовъ, и архіепископовъ а архимандритовъ, и игуменовъ присыльныхъ бывало много и нынѣ есть; а присылаются всѣ греческія власти того ради, чтобъ имъ навывкнуты у насъ въ обители православныя христіанскія вѣры истиннаго благочестія и иноческаго чина. И аще бы, государь, до сего времени у насъ была неправая вѣра, то бы ихъ, греческихъ властей, для исправленія къ намъ подѣ начало въ Соловецкой монастырь не присылали. И о семъ съ клятвою вси тебѣ, великому государю, пишемъ, и свидѣтеля Христа Бога на души своя, представляемъ, яко негочію они, гречаня простыя чернецы, но и самыя ихъ начальнѣйшія власти, архіереи, кои у насъ подѣ началомъ бывали и нынѣ есть, нимало истиннаго благочестія и иноческаго чина и церковнаго и келейнаго начала не знаютъ, довелече у насъ благочестію навывкнуты, и лица своего перекрестити по подобію не умѣютъ; а иныхъ старцевъ гречанъ привозятъ къ намъ безъ крестовъ, и кресты накладываемъ на нихъ здѣ, у себя во обители“. (Матр. III, 217, 253—260 274—275).

Москвѣ многіе люди, къ лобному мѣсту собирались и *называли меня иконоборцемъ*, что многіе де иконы я ималъ и дралъ, и за то де хотѣли меня убить, а я ималъ иконы латинскія, которымъ нельзя поклоняться, а вывезъ тотъ переводъ нѣмчинъ изъ нѣмецкой земли. И указалъ въ соборной церкви на Спасовъ образъ: мощно де сему вѣрить и поклоняться, а я де не иконоборецъ. И послѣ де того времени *называли меня еретикомъ*: новыя де книги завелъ. И то ради моихъ де грѣховъ чинится. И я вамъ предлагалъ многое поученіе и свидѣтельство вселенскихъ патріарховъ, и въ не послушаніи окамененіемъ сердець своихъ *хотѣли меня каменіемъ побить*“ ¹⁾. Такимъ образомъ самъ Никонъ, при оставленіи имъ патріаршей каѳедры, принужденъ былъ съ горечью публично сознаться и засвидѣтельствовать, что паства не понимала смысла и значенія его реформаторской дѣятельности, называла за нее Никона то иконоборцемъ, то еретикомъ, а когда онъ указывалъ ей на авторитетъ въ церковныхъ дѣлахъ греческихъ патріарховъ, она хотѣла побить его камнями. Понятно теперь, при указанной настроенности народа, какое сильное впечатлѣніе должна была производить на всѣхъ обширная антииконовская литература, которая, къ тому же долгое время ни откуда не встрѣчала себѣ должника, хотя бы сколько-нибудь соответствующаго литературнаго отпора. Въ виду этого противникамъ церковной реформы уже казалось, что скоро наступитъ новое время, когда новый патріархъ отмѣнитъ всѣ Никоновы „затѣйки“ и на Руси опять водворится та церковная старина, какая была до Никона.

Н. Кантревъ.

¹⁾ Показаніе патріаршаго ризничаго: Дѣло о патріархѣ Николѣ. № 11 стр. 38.